

18+

АЛЭН АКОБ

**«ЗАБРОСИТЬ
БОТИНКИ
НА ПРОВОДА»
И ДРУГИЕ
РАССКАЗЫ**

Алэн Акоб
**«Забросить ботинки
на провода» и другие рассказы**

<https://litres.ru/74503372>

ISBN 9785007126786

Аннотация

Небольшая коллекция рассказов, взятых из жизни. Эти истории посвящены людям, которые никогда не сдаются, не смотря ни на что, потому что жизнь прекрасна и она стоит того, чтобы бороться за своё счастье.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Стройотряд уходит в небо	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

«Забросить ботинки на провода» и другие рассказы

АЛЭН АКОБ

© Алэн Акоб, 2026

ISBN 978-5-0071-2678-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Закинуть ботинки на провода или возмездие в прощении

Я жил на грани безумия,
желая познать причины,
стучал в дверь.
Она открылась.
Я стучал изнутри!

Джалаледдин Руми

В доме у Курочкиных большая радость. На свет появился второй ребёнок, девочка. Назвали её Сарой, в честь бабушки, по материнской линии. Борис, отец семейства, который

день вне себя от счастья, сначала запил с друзьями на радостях, потом очнувшись после ресторана, прибежал домой в час ночи и начал мыть полы, окна, унитаз даже залез под кухонный шкаф, выгребая оттуда засохшие сушки, кусочек почерневшего болгарского перца и пару горошин. Весь мусор он выбросил, кроме гороха. Держа горошины на ладони, перекаывая их, между мозолями, он вспомнил Принцессу на горошине Андерсена и сладко заулыбался, чему-то своему, детскому. Одним словом отец семейства готовился к пополнению. Уставшую после родов мать и ребёнка задержали на неделю под присмотром врачей, девочка родилась с желтоватым оттенком кожи. Пожилой врач, с короткой посеребрённой сединой в бородке, успокоил родителей, сказав, что такое часто встречается, нет повода для беспокойства. Надо подождать и желтуха сама пройдёт.

— Мама Сара спит?

— Сынок как у тебя дела в школе?

— Мама можно я пойду посмотрю на неё

— Она спит сына, она ещё совсем маленькая, ты бы лучше за уроки сел.

— Знаешь мама она вчера меня за палец держала и улыбнулась, она меня узнаёт.

Старые люди говорят, если ночью шипит кот, значит он видит духов. В ту ночь Глеб так и не заснул. Он встал с крова-

ти, подошёл к окну, посмотрел на стекло с белым пятном посередине, от влетевшего в него дрозда. Вчера утром, по дороге в школу, он нашёл разбитую птицу под окном, с неестественно вывернутой головой, лапками вверх. Птицу он зарыл, на том же месте где её нашёл. Возвращаясь со школы, обратил внимание, на разрытую могилку дрозда.

Глеб открыл окно, свежий воздух полоснул по лицу суровой прохладой. Над головой небо без звёзд, только редкие огни большого города неестественно горят жёлтым светом. Где-то цвела акация от которой в ночной прохладе шёл густой слегка дурмящий запах. Он закрыл окно, прошёлся пару раз по комнате, пошёл на кухню, выпил стакан кипячённой воды, взял ведро с мусором, вышел в подъезд в направлении мусорного бака. Около мусорки сидел дворовый кот Барсик с дохлым скворцом в зубах. Глеб позвал его:

— Барсик, Барсик иди ко мне. — Кот опустил скворца на землю и зашипел как самовар.

В детстве на Глеба иногда нападала грусть. Невыносимая меланхолия в десять лет, он ещё не совсем осознавал это странное чувство. Временами, особенно по вечерам, он с нездоровым интересом, вспоминал казалось бы на первый взгляд смешное.

День рождения отца, пьяный дядя Вася с пучком петрушки в руке говорит долгий замысловатый тост, переходящий в белиберду, его никто слушает, и от это он возбуждается, почти кричит. Рядом сидит его жена, тётя Люба с пухлыми

словно у матрёшки губами, поминутно одёргивая мужа за рукав пиджака, говорит ему улыбаясь:

— Вася, сядь не позорься, сядь Вася, а он одёргивает руку и продолжает как полоумный. Рядом с отцом его почти не видно, маленький толстячок, робкий по натуре. Он словно чувствовал свою ничтожность и каждый раз, когда напивался вдрызг, пытался свою закомплексованность скомпенсировать за счёт речи, чтобы кто-то обратил на него внимание. Но сидящим за столом не до него, они беседуют между собой, изредка кидая косые взгляды в его сторону, посмеиваясь.

Подвыпившие гости время от времени выходят в подъезд покурить. Иногда они забывали потушить бычки от сигарет и те тлели на полу в темноте красным огоньком, словно кто-то рассыпал редкие звёзды на ночном небосводе. Глеб вышел из квартиры, и стал осматривать пол на лестничной площадке в поисках окурка, как услышал приглушённый шёпот сверху. Между их четверым и пятым этажом, у окна, отец задрал юбку тёти Любы, вонзив свои загорелые пальцы в белые бёдра, о чём то страстно её просил, пытаясь поцеловать в губы. Она вяло отталкивала его и называла пьяным дураком. Вспоминая всё это, грусть переходила в щемящую тоску, обжигая не совсем понятной реальностью мозг.

Под утро появились уставшие родители с Сарой. Оба подавлены и неразговорчивые. Сара сидит на диване, отчуждённо смотрит на пол, перебирая восковыми пальчиками ру-

кав жакета. Глеб взял её за руку, поцеловал макушку и отвёл в спальню, помог раздеться, уложил спать.

— Ну, что сказали врачи — хмуро спросил он отца и мать выходя из детской?

— Да ну его — отмахнулся рукой отец. — Я и то наверное больше понимаю — нервно прикуривая от вспыхнувшей спички сигаретку. У отца широкое, немного скуластое лицо, заводского трудаги, руки в мозолях.

— Наследственность, медицина здесь бессильна — понуро мотая головой.

— Сходи-ка жена на кухню, принеси водочки, может полегчает — мать покорно идёт к холодильнику, возвращаясь с бутылкой и тремя продолговатыми стаканчиками специально для водки. Отец наливает себе потом матери, пьёт приглашая рукой меня присоединиться.

— Ну, что-то Борис — негромко возмущается мать — ему же в школу ещё идти.

— Да какая там школа, десятый класс, пора об армии думать.

В такие моменты жизни, когда он начинает переживает за дочь, на его суровое лицо любящего отца ложится тень безысходности. Он конечно держится молодцом, стараясь всем своим видом или редкими шуточками нас поддержать, чтобы мы не падали духом, но мы с матерью понимаем как ему тяжело, и поневоле становимся соучастниками его игры, лишь бы он не унывал. Всем нам тяжело, очень плохо, у каж-

дого из нас по-своему разрывается сердце, мы знаем, что Сара никогда больше не заговорит и с каждым годом нейроны её мозга будут разрушаться от неизлечимой болезни. Иногда в жизни бывают моменты когда хочется уйти, всё бросить, да уйти, нет нет, не от людей, Боже упаси от близких, а от самого себя. Очень хочется, да некуда. А может у меня нет души, там в груди, между лёгкими, грудной клеткой где она живёт, пустота. Залить бы её слезами, как в детстве, а там дыра, да и плакать нельзя, я теперь взрослый, пример для сестры. Может маму попросить, чтобы сказку рассказала перед сном, страшную страшную, заснуть и проснуться поняв, что это сказка, а не явь, а нет, моя действительность стала хуже той самой страшной сказки из детства. Я сплю и просыпаюсь в этой страшной сказке, а ведь у меня нет ничего лишнего, кроме моей жизни.

Глеб шёл по улице не обращая внимания на прохожих, иногда он задевал их плечом и они шарахались в сторону с удивлением смотря ему в след, не решаясь отреагировать, как положено в таких случаях. Он понимал, что с ним что-то произошло, он больше никогда не будет таким как раньше. Чувствовал себя всеми забытым странником и шёл словно мотылёк на свет в дали.

В то лето Глеб расстался с Сарой, девушкой с которой случайно познакомился у друзей после очередной попойки. Он так и не понял до конца, что ему больше нравилось в ней,

имя или она сама. Роман длился каких-то жалких три месяца, достаточно, чтобы Сара поняла, что спит с человеком у которого холодное словно лёд сердце, как в постели так и по жизни.

Светом вдали оказался местный шалман. Глеб криво усмехнулся вошёл внутрь. Ему налили кружку пива, он пошёл в самый конец заведения, подальше от завсегдатаев и зевак, прикурил сигарету, сделал глоток освежающего напитка. В бар вошла молодая женщина, в серой кожаной курточке и брюках-палаццо. Она заказала стаканчик мохито, окинула взглядом присутствующих и прошла в самый конец зала к Глебу.

— Я вас не побеспокою — показывая карими глазами на стул перед Глебом

— Мы знакомы — спросил Глеб с интересом рассматривая даму

— Вряд ли

— За, что такая честь?

— А может вы мне симпатичны

— Ага, ну тогда садитесь, только я сразу предупреждаю, финансовое состояние у меня никудышное, полностью погряз в долгах, богатый дядюшка в Майями жив и здоров. Девушка рассмеялась грудным смехом и села с бокалом мохито в руках напротив. Глеб с нескрываемым интересом стал рассматривать её. Коротко стриженные волосы, приятные черты лица с взглядом не лишённым наглости, тонкие губы,

руки в полинезийских татуировках.

— Вы меня с таким нескрываемым интересом рассматриваете, можно подумать, что я сошла с картины Вермеера.

— Ну на девушку с жемчужиной Вы конечно не тянете, но нужно отдать должное, вы симпатичная особа. Жаль только, что я никогда не узнаю, что вас привело в эту забегаловку?

— Ну почему же. Кто его знает, может и расскажу!

— Ах да, и на проститутку вы тоже не похожи

— Дурак — сказала девица и надулась. — Меня звать Юля и я замужем за — тут она замолчала и многозначительно посмотрела на Глеба, хлебнув со звуком мохито, поморщившись от алкоголя, проронила — а впрочем это неважно.

Номер в гостинице, пах сыростью и моечным средством. Тяжелые жаккардовые занавески до пола, две кровати, нечто напоминающее журнальный столик, с бутылкой виски, коньяк и рядом нарезанный тонкими дольками лимон на продолговатой тарелочке. Глеб лежал под одеялом и ждал пока Юля выйдет из душа. Вскоре она появилась в белом гостиничном халате, села на стул и разглядывая лак на ногтях спросила:

— Ты не хочешь сходить в душ? — Глеб открыл рот, чтобы съязвить в ответ, но подходящей язвы на языке не оказалось и он покорно пошёл в ванную. Весёлые струйки тёплой воды стекали по телу образуя мыльную лужицу с мелкими пузырями. В голове туман от выпитого, грустная писька по-

весившая головку с которой стекает вода.

Когда он вошёл в комнату, Юля уже лежала под одеялом с закрытыми глазами. Свет от ночной лампы на столике тускло освещал её тонкие черты лица. Осторожно, чтобы не будить, он залез в постель, повернулся к ней спиной, положил ладошку под щеку.

— Я не поняла, мы что сюда спать пришли? — с неудовольствием спросила она?

Наутро Глеб проснулся с треснувшей губой и исцарапанной спиной. Рядом никого не было. Он быстро вскочил с постели, запрыгнул в брюки и только начал натягивать носки на ступню, как открылась дверь ванной и оттуда вывалилась одетая Юля с помадой в руке. Она исподлобья посмотрела на его обнажённый торс и нагловатым тоном спросила

— Я вижу ты неплохо выспался, мон ами. Ты в курсе вообще, что миллионы женщин в мире жертвы от ночного бесилия без насилия.

Глеб подошёл к ней, взял за руку и развязно опрокинул на постель. Разорвал колготки на промежности. Юля просто ахнула от удовольствия.

Когда он выходил не попрощавшись от неё, уже в дверях, она спросила:

— Если я забеременею как назвать ребёнка? Курочкин остановился на минуту, не оборачиваясь сказал:

— Если родится девочка, назови её Сарой, немного подумав, а впрочем забудь, я ничего не говорил.

— Слушай, как тебя там, давай я тебе заплачу, сколько ты хочешь, говори не стесняйся

— Да пошла ты! А впрочем, остался недопитый коньяк, можно я возьму его с собой?

— Бери — небрежно бросила девица, номер проплачен

Во дворе, под липой одиноко стоял дорогой лимузин облепленный опавшими листьями, на котором они вчера вместе подъехали к гостинице. Глеб с пренебрежением посмотрел на него, допил с горла коньяк и бросил пустую бутылку под машину, которая с хрустом разбилась.

Дома, лёжа на диване, когда начала отходить алкогольная анестезия, с бьющимся в висках пульсом, он пожалеет об этой встрече и попытается забыть о ней навсегда.

В подсобке столярной мастерской, напоминающий дурдом, бухали пять мужиков. На импровизированном из осиновых досок столе стояли три бутылки водки Дрова, пузатая бутылка самогона содержимое которой отдавало подозрительной бирюзой, даже в полумраке теплушки. Из закусок — огурцы солёные, три корочки бородинского хлеба, колбаса золушка-металлист, шпротный паштет и ржавые от паприки чипсы. Из-за отсутствия женского пола за столом, тёплых закусок в наличии не оказалось. Тем не менее у пяти богатырей сидящих вокруг снести, не отсутствовал интеллигентный вид хоть и одеты они были в тёмные халаты, где на грудном кармане красовалась вышитая надпись фирмы — Сто-

лярная чурка-деревяшка. Вид они имели бравый, разгорячённые горячительными напитками, вяло спорили на самые разные темы. Особенно выделялся среди них столяр по имени Глеб Курочкин. Пропустив внутрь содержимое гранёного стакана, он звонко крикнул, занюхал корочку душистого хлеба, обильно посыпанную солью и сделал знак ладонью остальным, последовать его примеру.

— Самогон не текила, чтобы её солью закусывать

— Да пошёл ты, умник нашёлся

— Человек есть, то чем он занимается — утверждал Хайдеггер. А что мы тут щас делаем? Праильно, громко икнув, пьянствуем, господа, причём самым безобразным образом. Глушим самогон гранёнными стаканами — брезгливо поглядывая на остатки голубой жидкости в стакане.

— *In vino veritas* — истина в вине говорили древние греки.

— А вот и нет мой дорогой учитель пения — заметил ему Курочкин

— Я русский язык и литературу преподаю в старших классах — с обидой в голосе перебил Глеба бывший школьный учитель Константин Фёдорович Кусакин, у которого произошло помутнение рассудка после после рассказа Маркеса — Очень старый человек с огромными крыльями. Кусакин залез на крышу соседнего дома и кричал оттуда:

— Побойтесь Бога жалкие людишки, не обижайте ангелов, которые Вас любят! Ангел это не старый человек с крыльями на спине, а Вы! Вы убиваете самого себя обижая их,

своими едкими словечками, которые слышат только бесы.

— Выражение это пришло к нам с Рима от Плиния Старшего и означает оно — что у трезвого в уме, то у пьяного на языке.

— Точно Глебушка, там и продолжение имеется — встрял в разговор художник Хлыщев заискивающим голосом, сбивая устоявшийся настрой беседы — а здоровье в воде.

— Вот, вот

— Однако творческому человеку допинг в виде алкоголя просто необходим — продолжил Хлыщев, который с недавних пор стал слышать скрипку когда водил кисточкой по холсту. Сначала это его очень обрадовало, он даже начал рисовать музыкальные инструменты. Но потом взгрустнул и сел на стакан, до белой горячки — вот Караваджо к примеру, — стал объяснять Хлыщев — авантюрист, вспыльчивый дебошир. Устраивал драки в тавернах и прочих злачных заведениях. Нередко оказывался за решёткой. В результате подался в бега, где и сгинул, неизвестно где и как.

— Кто кончил жизнь трагически, тот истинный поэт, а если в точный срок, так в полной мере. — Запел с надрывом молчавший до сих пор с круглыми очками на носу композитор Маликов, чем то напоминающий в профиль Ozzy Osbourne.

— А те кто подойдёт к творчеству без неистовства и безумия, всего лишь навеянного музами, станет лишь еще одним искусным ремесленником — говорил Платон.

За мастерами через затемнённое стекло в окне, внимательно наблюдал доктор Артур Синичкин, главврач психиатрической больницы. Время от времени он стряхивал рядом с собой пепел от сигареты на пол покрытый прожённым коврином, где он любил стоять и довольный мурлыкал себе под усы пирамида, модную мелодию, успевшую порядком всем поднадоесть, кроме него.

— А художник силён зараза, может перевести его в соседнюю палату к

Пифагору — с ядовитой ухмылкой подумал он.

— Доброе утро Артур, всё ещё наблюдаешь за своими кроликами? Может разведёшь их по палатам, зачем вместе держать столько времени? — заметил его друг доктор Зимин, проходящий мимо.

— Как зачем? Пусть общаются между собой, они даже спорят иногда.

— Где ты видишь здесь спор? Они сидят, смотрят друг на друга, и молчат, что та рыба.

— Ну не скажи, не скажи. Посмотри внимательнее на происходящее.

В это время Глеб бросил быстрый взгляд на художника, тот сразу поднялся с табуретки, чтобы принести ему стакан воды.

— Увидел — воскликнул доктор Артур? — Случайность, не думаю, я же говорю они молча общаются между собой.

— Почему вон тот рыжий, рукой по воздуху ровно водит?
— спросил Зимин показывая мизинцем на Кусакина, который выводил кренделя в воздухе.

— Это он опилки со стола считает, чтобы колбасу нарезать. Зимин тревожно посмотрел на доктора Артура. Заметив его взгляд, главврач взял своего друга за плечи и отвёл его от окна.

— Понимаешь какое тут дело, коллега, есть некоторые аспекты в поведении головного мозга, которые не внушают нам доверия. Поясню мою мысль. И тут профессор пустился в такие дебри науки, от которых Зимин почувствовал себя очень неудобно и в тоже время восхищался знаниями друга в этой малоизученной области науки.

Тем временем псевдостоляры, как ни в чём не бывало продолжали беседовать.

— Ну раз уж о философии заговорили, то Платон был импотентом — заявил вдруг композитор Маликов, который нанёс телесные повреждения дирижёру

местному симфонического оркестра во время концерта. Маликов сидел с женой в первых рядах и ему показалось, что у дирижёра полностью отсутствует чувство ритма и он стал его обзывать выкрикивая оскорбления. Вскоре между ними завязалась словесная перепалка, Маликов вскочил на сцену и стал лупить последнего. Их разняли. Так композитор оказался в обезьяннике, но и там он не успокоился, выкрикивал, что он Моцарт и обязательно набьёт морду Сальери, когда

его выпускают на свободу. Под утро за ним приехали санитары и отвезли в психушку.

— С чего это вдруг, с какого перепугу, Платон стал неполноценным?

— А, что нормальный человек смог бы придумать платоническую любовь?

— Послушайте, где баба Валя, заколебали Вы своей философией, весь пол в опилках, надо бы подмести.

— Подметай раз надо, только дай человеку высказаться. Маликов ты хоть раз в жизни Платона читал, или только тексты к песням вроде «Не волнуйтесь, тётя». — На, что Маликов надул губы и отвернулся в сторону.

— Ладно парни не задерживайте тару, разливай вино композитор. А я вот слышал, что Моцарт страдал расстройством аутистического спектра.

— Чем, чем страдал? — изумлённо переспросил Кусакин

— Аутистом он был.

— Известный факт, в его письмах заметно наличие эхολалии, повторение чужих фраз, слов или частей слов.

— Все гениальные люди с приветом, вроде нас

— Не смешно

— Кстати, однажды Диоген решил заняться онанизмом прямо на улице и один прохожий обозвал его за это собакой, знаете что он сделал?

— Написал ему на ногу? — быстро ответил Глеб

— Ты знал об этом?

— Нет, просто я где-то читал о скверном характере Диогена и предположил, на что он способен.

— В своё время картина Курбе «Происхождение мира» не выставлялась на показ 120 лет. Вдумайтесь только в эти цифры — задумчиво произнёс Хлыщев — а щас, удиви когонибудь вагиной.

— Вас послушать, самые что ни на есть нормальные люди, хоть и живёте в дурдоме — с улыбкой заметил Глеб

— Эх когда же нас выпишут отсюда? — занудно затынул Кусакин

— Ты, что хочешь стать таким как все? Суки! Пустите! Кто-то орал с надрывом по коридору влево. Пустите! Отпустите гады!

— Опять кого то привязывают к кровати в надзорке. — прислушиваясь произнес вслух Глеб.

— Похоже на это. Голос знакомый, Космос, что ли? Вчера он всем рассказывал, что слышит голос Гагарина, который зовёт его во Вселенную.

— Так это он ночью окно поломал в туалете?

— Да пытался, благо был в пальто, только голову немного порезал стеклом.

— А почему в пальто?

— Так в стратосфере -110*, замёрзнуть боялся.

— Ага, а космический шлем забыл надеть

— Пойдука я на него посмотрю, не чужой же человек — сказал Глеб выходя в коридор в направлении крика. Когда

он подошёл к палате 7, то увидел сидящего рядом с больным доктора Синичкина, который положив ногу на ногу, сложив вдвое журнал, решал на коленке кроссворд.

— Имя первого создателя спутника Земли из семи букв. -

— Слышишь долбень, кто создал первый искусственный спутник Земли?

— Комаров.

— Сам ты Комаров, стюардесса несчастная! Королёв, Сергей Павлович. От слова стюардесса Космос заскрежетал зубами и задвигался всем телом на кровати, пытаясь вылезти из смиренной рубашки.

Сергей Лифанов, высокий, со впалой грудью по прозвищу Космос родился в семье рабочих. Казалось, что если ему засунуть два пальца в ноздри, он обязательно задохнётся, даже с открытым ртом. Его отец был непьющим и хорошим специалистом, за что ценили на работе. Жена также не отставала от супруга, работала в городской библиотеке, пользовалась уважением среди коллег и читателей города, на хорошем счету у начальства. Маленький Серёжа рос в доброй и порядочной семье, как все дети его возраста мечтал стать космонавтом. Только вот мечта о космосе у многих детей пропадает с возрастом, у Сергея она переросла в болезненную мечту. Он ложился спать и представлял себе как выходит в открытый космос, машет рукой в камеру миллионам телезрителей, и вся страна с восторгом смотрит на него, его фотография, улыбающегося из скафандра на первых страницах мировой

прессы. Так он и засыпал, с мечтой в голове. Мать видя увлечение сына, завалила его книжками про космонавтику с библиотеки, отец после каждой полочки покупал разного рода конструкторы, самолёты, ракеты. Всё бы хорошо, но Сергею не давалась математика, потом алгебра с геометрией, физика. Родители всячески хотели помочь ему, нанимали на последние деньги репетиторов, но всё попусту. Он еле дотянул до десятого класса и пошёл в армию. После службы устроился работать бортпроводником на пассажирском самолёте выполняющим внутренние рейсы. Там же, во время полётов познакомился со стюардессой Надей. У неё было спокойное, чуть кругловатое лицо с карими глазами, вздёрнутый носик и маленький припухлый рот. Говорила она медленно и имела простоватый вид. Они вместе бегали по магазинам в разных городах куда приземлялся их самолёт, пили кофе в барах на террасе, ели мороженое в центре города. Он ей рассказывал про космос, а она его внимательно слушала, никогда не перебивала. Между молодыми людьми быстро завязалась дружба с переходом в служебный роман. Дело пахло женитьбой.

За три дня до помолвки, сразу после посадки самолёта в аэропорту их родного города, Сергея ждала мать в зале ожидания, они должны были вместе поехать в центр города, купить обручальное кольцо Наде. Мать с сыном почти садились в такси, как он вспомнил, что оставил барсетку в шкафчике бара самолёта, там лежало Надина кольцо, чтобы правильно подобрать размер. Поэтому он сломя голову

бросился назад в самолёт, пока его не откатали на стоянку. Трап стоял у раскрытой двери, вокруг никого не было. Сергей быстро вошёл в бортовой отсек, пройдя через салон, где после полёта пахло потом, людьми, кожаными чемоданами, чьей то блевотиной. Он нашёл барсетку, и собирался уже выходить как его привлекли странные звуки из кабины самолёта. Сергей приоткрыл слегка дверь и от удивленного его всего передёрнуло. Командир воздушного судна Игнатов, спустив штаны, запрокинув голову сидел на кресле пилота, на нём равномерно приседая и вставая, вскрикивая двигалась Надя. Её спокойное лицо, стало нервным, пухлые губы превратились в напряжённые ниточки уголками вниз, на выпуклом лбу блестели капельки пота между прилипших к голове волос. Оба были так увлечены соитием, что даже не заметили приоткрывшуюся дверь и Сергея.

После увиденного он на следующий же день уволился с работы, никаких объяснений с Надей и буквально через месяц выпил бутылку с уксусом. Его еле откачали. В следующий раз он пытался повеситься, тоже неудачно. Врачи посоветовали родителям положить его в психоневрологический диспансер, под присмотр, так как он становился опасным.

Под вечер когда почти весь обслуживающий персонал разошёлся по домам, в больнице остался дежурить главврач Синичкин. Начал он свой обход с надзорки, в которой лежал, весь исколотый Серёга Космос. Крадясь, на цыпочках он подошёл к спящему пациенту, наклонился и тихо спросил:

— Как дела стюардесса? — глупо смеясь, мотая головой.
— Хорош, гусь а? — Обращаясь к рядом стоящей пожилой санитарке Мане, которая собиралась в этом году уйти на пенсию. Потом он задрал санитарке халат, так чтобы Космонавт увидел её промежность и мерзко рассмеялся.

— Манька дала бы ему?

— А чё не дать, если человек хороший.

— Да ладно тебе — немного удивлённый ответом, уводя её за руку к себе в кабинет, на старый диван. После их ухода наступила долгожданная тишина, время от времени разрываемая скрежетом зубов Космоса.

— Привет Серёга, это я Хлыщев — зашептал Космосу в ухо художник отдавая галитозом.- Ненавижу докторов, они нас не лечат, они нас только унижают, калечат. Я всё слышал. Я знаю тебе очень больно сейчас, ты хочешь к маме на Марс — развязывая рукава смирительной рубашки, потерпи немного, ломая пальцы об узлы. В коридоре послышался скрип открытой двери, смех, звонкий шлепок по филейной части.

— Ну давай, до завтра

— Может останешься как прошлый раз, моя кошечка

— Не могу синичка, мне ещё мужика моего кормить после смены.

— Как знаешь, ну а я ещё разок обойду моих клиентов.

Художник как нашкодивший кот выскользнул из палаты и притаился за колонной в коридоре. Тем временем Синич-

кин насвистывая Хабанеру из Кармен, вышел из кабинета, что свидетельствовало о хорошем расположении духа и прямиком, минуя все двери зашёл в палату Космоса.

— Чем занимаемся друг сердешный? Пациент Лифанов может тебе кроссворд принести на тему космонавтики? Смотри молчит, неразговорчивый какой сегодня, эй ты там живой?

Хлыщев стоя за колонной беззвучно засмеялся, держась за живот.

— Слышь пень, свалил отсюда, пока я тебе грунтовку на рожу не навёл. Рядом стоял Глеб и грозно смотрел на художника. Приглашение на исчезновение было безропотно принято, Хлыщев смешно подпрыгивая побежал к себе в палату. Его место занял Глеб с молотком в левой руке и молча наблюдал за происходящим.

Синичкин наклонился над лицом Лифанова, словно хотел убедиться жив он или нет. Из под одеяла выскочила рука, схватила доктора за кадык, силой потянула на себя.

— Оказывается, как всё просто, горло, хрип, смерть негодя, нет так не годится, я против.

Глеб вбежал в палату, пытаясь оторвать руки Космоса от докторского горла. Не тут то было. Посиневшие от напряжения, длинные пальцы пианиста вонзились рядом с кадыком по обе стороны, Глеб их еле отодрал. Доктор размахивающий руками словно лунатик грохнулся на пол, кашляя и задыхаясь пополз от кровати долой. Переместившись на безопас-

ное расстояние, он прислонился виском к стенке и тяжело дышал. Курочкин пытался завязывать рукава на спине. Лифанов извивался словно змея, скрежетал зубами как ржавые петли на воротах деревенского коровника, отбиваясь одной рукой, вторую Глеб сумел поймать и удерживал. Короткий удар кулаком в лоб, наконец успокоил бывшего стюарда, он обмяк словно мешок, замолк.

Доктор Артур Синичкин сидел на полу, неестественно выкинув одну ногу, пытался восстановить дыхание. Глеб дал ему стакан воды из под крана, он жадно выпил до дна. После чего минут пять продолжал хватать воздух губами словно карп на берегу. Немного отдышавшись, придя в себя Синичкин показывая пальцем на Космоса сказал:

— Он только, что чуть не убил меня.

— Не отрицаю — плотно затягивая узлы на спине, Космоса

— В следующий раз я тебе горло перегрызу — захрипел очнувшийся пациент, которого всего трясло, словно только принесли с мороза.

— Следующего раза не будет, завтра ты у меня будешь как огурчик, триста кубов аминазина тебя быстро успокоят — прохрипел доктор, покачиваясь как маятник вышел из палаты, продолжая держаться за горло.

— Они правда меня будут колоть завтра? — очнувшись, изумлённо спросил Космос.

— Да вряд ли, доктор пошутил — пытался успокоить

больного Глеб

— Я же ничего плохого не сделал — с ужасом в глазах шептал горе космонавт, время от времени сверкая глазами в которых то появлялись, то гасли злобные огоньки.

— Конечно не сделал — продолжал успокаивать перевозбуждённого душевно больного Глеб.

После этого инцидента главврач Синичкин на целую неделю вышел из строя, в больнице на радость пациентам, не появлялся. Заменил главного доктор Зимин. После случившегося между Космосом и Синичкиным, на Глеба все смотрели как на героя. Даже санитарка Маня в процедурной, после укола в мягкое место, звонко хлопнула его по попе и пошутила:

— Ах вот она какая жопа героя.

В понедельник доктор всё таки появился. Он шёл по коридору диспансера под ручку с коллегой доктором Зиминим, живо беседуя:

— Повезло тебе Артур на этот раз, не бережёшь себя, рискуешь

— Ради науки я готов на всё, на всё коллега, это моя сущность, нет прости судьба, мой крест — потирая рукой голубовато-жёлтые разводы на горле.

— Хорошо хоть этот больной рядом оказался, говорят в туалет шёл по нужде

— Я плохо верю в случайности, а тем более со странными

типами выдающими себя за душевнобольных

— Вчера я посмотрел историю его болезни, так из любопытства, интересный экземпляр

— Да, и ты заметил, что-то там не так. Не поймешь, что у него на уме, что он вытащит из кармана для тебя, деньги на водку или нож. Зимин прикурил сигаретку от бычка, который ему любезно протянул Синичкин, жадно затянулся, показывая пальцем на идущего по коридору Глеба.

— А вот и он, лёгок на помине. Поравнявшись рядом с ними, не здоровываясь, Глеб спокойно, словно ничего не произошло между ними, посмотрел в глаза Курочкину и мысленно спросил

— Как здоровье док?

— Нормально так — равнодушно ответил доктор Курочкин. Как ты догадался, что я владею искусством читать мысли на расстоянии?

— Так же как и ты, когда наблюдал за нами.

— Ты спас мне жизнь

— Не отрицаю — могло быть и хуже

— Как я могу тебя отблагодарить?

— Могу дать денег, сгоняй за водкой — сказал Глеб засовывая руку в карман штанов

— Я вам не мешаю — спросил доктор Зимин с улыбкой
— а то стоите молчите

— Да, да конечно — не сводя своего взгляда с плотника, пробормотал Курочкин

— Ну ладно тогда я пошёл — пожимая плечами

— Да, да конечно — повторил док. Зимин развернулся и пошёл дальше по коридору в направлении палаты космонавта, где дежурная санитарка кормила его с ложечки.

— Послушай Глеб, пойдём ко мне в кабинет, коньячку хорошего выпьем, посидим поговорим, мне кажется нам есть, что поведать друг другу — по-дружески похлопывая по плечу

— Я не против — ухмыльнулся Курочкин.

В кабинете главврача пахло кожей и свежей побелкой. На стеллаже в виде лестницы красовалась китайская ваза из тонкого фарфора с эротическим сюжетом. Вешалка с плащом, тапочки, небольшой винный шкаф замаскированный пёстрой скатертью с ажурной вышивкой.

Глеб, сел на диван и заметил на столе открытый перочинный нож среди вскрытых писем. Его глаза мгновенно заблестели.

— И всё таки Курочкин, почему Вы спасли мне жизнь? — вытаскивая из шкафа марочную бутылку армянского коньяка Наири и два низких бокала. — Только не говорите мне, что сделали это из гуманных соображений или ещё какуюнибудь пошлость в этом роде.

На лицо доктора легла тень, он сосредоточено сжал переносицу двумя пальцами, закрыл глаза простояв так несколько секунд, показавшихся Курочкину вечностью. Глеб наоборот, улыбался скрытой улыбкой блаженного, маскируя свои

МЫСЛИ.

— И всё таки Глеб Курочкин, в чём кроется причина вспышки этого благородного импульса. — Синичкин передал бокал с коньяком Глебу, внимательно посмотрел, как он его выпил до дна — с презрением покачал головой

— Глеб ты дурак!? — безумно сверкнув белками глаз — это не вопрос, а диагноз и не обращая никакого внимания сидевшего на диване Курочкина с пустым бокалом коньяка, доктор начал хаотично расхаживать по кабинету отрывисто рассуждая, изредка размахивая руками.

— За всю мою многолетнюю практику, я видел много интересного. Были взлёты, падения. Я пытаюсь изучить человека, нет человеческий мозг, нет разум — подымая указательный палец вверх — его поступки, связанные напрямую с его характером, с ситуативной манерой мышления, иногда и бесбашенностью индивидуума. Я ещё раз повторяю мой вопрос, Глеб ты дурак? А впрочем можешь не отвечать. Объясни мне почему ты стал изучать телепатию? Зачем она тебе нужна? Чтобы что? И вдобавок, ты даёшь бесплатные уроки моим пациентам. Ты тоже хочешь понять, как функционирует человеческий мозг? Должен тебя разочаровать, очень примитивно, причём настолько, насколько его невозможно понять. — Осушая на доньшке содержимое бокала — в моей практике был случай, когда одной женщине снился один и тот же сон. Во сне к ней подходил молодой парень без лица, пытался взять за руку и увести с собой. Каждый раз она отбива-

лась как могла, просыпаясь в холодном поту. А потом где-то в полдень у неё начинался обморок с припадком эпилепсии. Её стали водить по врачам, те прописали снотворное, успокоительные. Не помогло. Слава обо мне, как о хорошем докторе только начиналась. Городишко маленький, все знали друг друга почти в лицо. Эту девушку привели ко мне, не помню как её звали, ах да Тамара. Я задал ей всего лишь один вопрос глядя ей в глаза и попросил честно ответить на него. Она мне конечно соврала, но я прочитал правильный ответ в её мыслях. Я попросил её выйти и подождать в коридоре. Пригласил в кабинет её родителей, посоветовал понаблюдать за ней когда она выходит на улицу, возможно её кто-то преследует. Оказалось за ней по пятам ходит молодой парень отталкивающего вида. Его поймали, отлупили и нашли в кармане фотографию Тамары. Через неделю она пришла ко мне в кабинет и оставила свою девственность у меня на диване. После этого мы с ней не встречались.

— Зачем ты мне это всё рассказываешь? — подняв голову, продолжая нелепо улыбаться, спросил, Глеб

— Я не могу понять, что ты от меня хочешь, ты заблокировал свои самые потайные мысли. Мы где-то раньше встречались с тобой?

Сара сидела у раскрытого окна и отчуждённо смотрела на подоконник, её мысли были далеко, они витали за облаками, среди рассуждений многих других, таких же как и она. Вне-

запно она заулыбалась, посмотрела на небо с редкими тучками. Во двор с улицы заходил Глеб. Он взглянул на окно и ускорил шаг. Через пару минут Глеб стоял за спиной своей сестры, положив руки на плечи. Сара сидела за письменным столом и что-то рисовала на бумаге, продолжая смотреть в раскрытое окно.

— Здравствуй Сара, как у тебя день прошёл

— Немного болела рука

— Ничего страшного сестрёнка, пройдёт. Тишина в комнате изредка прерывалась жужжанием маленькой пчёлки неизвестно как залетевшей в комнату. Два человека, брат и сестра, молча беседовали между собой, не проронив ни слова.

— Сара я просил тебя повторить таблицу умножения, а ты игралась с игрушками

— Немножко

— Я вижу как они разбросаны у тебя по всем извилинам, особенно кубики, могла бы прибраться. Теперь у тебя каша в голове.

— Нет Глебушка, наоборот я их складываю в уме и таким образом мне легче учить сложение и умножение.

— Ну ладно начнём, 3456756894 умножить на 987 . Глеб сосредоточенно пишет цифры на бумаге, которые ляпнул не подумав, чтобы не забыть, пытаясь произвести умножение. Изредка поглядывая на Сару, чувствуя напряжение которое исходит от неё. Ответ сестры его ошеломляет, вот уже кото-

рый раз.

— А скажи мне Сара, что ты читала сегодня из братьев Стругатских?

— Шесть спичек

— Ну и как, понравилось? — Хотел спросить Глеб, как заметил над кроватью картину Дали — Сон, вызванный полетом пчелы вокруг граната, за секунду до пробуждения. — Кто повесил здесь эту картину? — строго спросил он подходя к кровати.

— Папа

— Интересно, зачем он это сделал — вытирая капельки пота со лба, тыльной стороной руки — как ты думаешь Сара, что здесь изображено?

— Сон человека который страдает бессонницей.

— Хм, усмехнулся Глеб, где-то так, но заложенный смысл в этой картине намного глубже чем кажется на первый взгляд. Тебе ещё рано о ней думать, а тем более рассуждать — не сводя глаз с оголенного женского тела на картине.

Между Глебом и доктором повисла напряжённая ответственная тишина. Каждый из них резко перестал думать. Тишина настолько тяжёлая и наэлектризованная, аж птицы умолкли за окном. Казалось, самое меньшее, что может шас произойти, это взрыв атомной подводной лодки в океане, провоцирующий гигантские цунами смывающие Берег Слоновой Кости в сторону Буркина Фасо. И произошло!

Глеб резко встал и с отрешенным выражением лица заломил доктору правую руку за спину, бросив лицом на письменный стол, зашипел словно змея:

— Я Глеб Курочкин, брат Сары.

— Какой ещё Сары, никакой Сары я не знаю, вы с ума сошли, отпустите мою руку, мне больно! Глеб ещё сильнее заломил руку доктору.

Всё, что он держал в себе, все эти годы, теперь яростно выплёскивалось из него наружу. Причиняя физическую боль Синичкину, он освобождал себя от невыносимого бремени душевных пыток которые испытывал после потери Сары. С каждым стоном исходившим от доктора, он чувствовал необыкновенное освобождение и пустоту в груди. Свободной рукой он взял перочинный нож со стола, готовый в любую минуту воткнуть его в ухо по рукоятку умолкшего доктора.

В доме у Курочкиных было приподнятое настроение. Отмечали проводы Глеба в армию. За круглым столом, ломившимся от праздничной еды и бутылок водки, сидели родители, родственники с Ташкента привезшие с собой курагу, виноград, гранаты, рядом одноклассники, друзья. Все кроме Глеба, он стоит в комнате у Сары держа её за руку и мысленно прощался с ней. В тот день она плакала, впервые за столько лет, он увидел её слёзы быстро скатывающихся по впалым щекам на одежду.

— Я вернусь Сара, обязательно вернусь, сестрёнка.

Афганистан. Ухабистая проселочная дорога между кишлаками, серпантином уходила в горы. В кузове трясущегося грузовика, сидела группа молчаливых и осовевших от недосыпа и усталости солдат. Старенький ЗИЛ подскакивал на каждой неровности, ямке, разбитого селевыми потоками пути, пригодного разве, что для местных осликов, провинции Парван. Мелкий песок с пылью, был повсюду: он лез за пазуху, в рот, глаза, в уши, скрипел под зубами — начало второго года Афганской весны, куда Глеб попал после учебки, до дембеля ещё далеко. Все утомлены долгим переездом мечтают только об одном, поскорее бы доехать до казармы, отдохнуть. Наконец долгожданный привал. После очередного сухого пайка тянет спать, чувствуется усталость, разбитость от тряски на дальней дороге. Отдых оказался не долгим, дальше пришлось ехать на броне и снова трястись. Афганские горы, без клочка растительности, скалы, ущелья, обрывы, пещеры. Небольшой отряд с офицерами во главе шёл по горному ущелью, вдоль высохшего русла реки, стояла задача, очистить местность от недобитых отрядов противника. После бесцельных двухчасовых блужданий по камням и козым тропкам, была дана команда занять высоту, чтобы обеспечить безопасность идущей позади отряда колонны. Карабаться по скалам в верх, занятие не простое, не безопасное, можно сорваться и полететь вниз увлекая за собой ещё и то-

варищей.

— Эх, какого хрена мы туда прём, там же нет никого, ежу понятно — посетовал Владу ефрейтор, показывая большой палец с жёлтым ногтём из порванного о камень сапог.

— Ты лучше под ноги себе смотри, философ.

— Под ноги или вверх.

— Да, пошёл ты

Неожиданно раздались хлопки, послышался знакомый свист пуль где то наверху, на скале, что-то плюхнулось прямо под ноги им оказался камень который сорвался вниз, больно обожгло щеку осколком базальта. Отряд к бою — орал старлей, но его никто не слышал, началась перестрелка. Контратака была короткой, чувствовался навык бойцов, это были обстрелянные ребята они не пригибались к земле, всегда шли вперёд, напролом к цели. Высота взята, духи как привидения исчезали в пещерах, оставив после себя раненого и немного оружия. Это не первый бой Глеба, он уже не раз выносил на себе и раненных и убитых, начинал привыкать к обезображенным от ран людским телам. Но на этот раз проходя около очередного вражеского тела он остановился и посмотрел. На земле лежал в афганской одежде молодой парень с рыжей бородкой, спокойным бледным лицом, он смотрел чистыми голубыми глазами в небо и умирал, на одежде расплывчатые красные пятна, следы от многочисленных осколков, он медленно угасал, губы шептали последние молитвы. Глеб заметил, как на его лице появилась серая

тень, парень неестественно вздрогнул и замер с косой гримасой боли на лице.

Вокзальные часы это не просто четкий механизм созданный креативной рукой человека и показывающий время, они намного больше, чем банально тикающие зубчатые колесики с пусковым механизмом и циферблат со стрелками. Это встречи и расставания, слезы и радость, для кого-то отчёт нового времени, чья то жизнь связанная с приездом или переездом, а для кого-то начало печального конца, на скупое отпущенного нам времени, а может и чья-то судьба. Те люди у которых на руках есть часы, все равно смотрят на вокзальные, сверяют, сомневаются, подсчитывают, нервничают, злятся так словно они причина опозданий, встреч, прощаний. Поломайте стрелки, отключите их от сети, разбейте часы вдребезги: Вы не остановите время, их размеренный ритм будет пульсировать кровью в ваших венах, отдавая сердечным ритмом в висках, обязывая жить вплоть до полной остановки двигателя аортного биения, это также конечно относится и современным, электронным часам. В их трогательно милом тик-так есть, что-то зловещее, роковое, когда начинаешь осознавать, что это твоя безвозвратно уходящая жизнь, сыпется мелким песочком в колбе, необратимого времени. Это устройство работает не обращая внимания ни на что, и ни на кого, их равнодушный механизм бездушно ведёт отчёт, стрелки равномерно ползут навстречу новым временам,

испытаниями, переменам и нет такой силы в мире которая могла бы остановить это зачатое время которое ведёт нас к неминуемому концу, гибели, кого быстро, кого медленно, не бывает опозданий. Даже если мы существуем в разных жизненных ритмах, живущих своей отдельной жизнью в пространстве мы все подвластны времени.

На перроне железнодорожного вокзала одиноко стоит демобилизованный солдат, постоянно поглядывая на командирские наградные часы на руке. Наконец в хаотично снующей толпе появились знакомые очертания родителей. Отец сутулиться похрамывает на одну ногу, мать с оренбургским платком на плечах. Как они изменились за эти два года. Увидев сына они учащёнными шагами направились ему на встречу. После объятий, поцелуев, материнских слёз, Глеб загрёб обоих в свои руки:

— Как там Сара, поехали поскорее домой? — Тела родителей, как-то обмякли, даже новое пальто на матери криво обвисло, на лице нервная судорога.

— Сары нет дома сынок — смотря куда-то вбок, не своим голосом сказал отец

— А где она отец?

— Она ушла от нас в мир иной, ей щас там хорошо сынок — крестясь, сквозь слёзы зашептала мать

— Как же так, отец?

— Я же говорил, надо было ему сказать, а ты он в армии,

он в армии, ему там щас тяжело

Сны бывают разные. Редко весёлые или смешные. Существуют даже осознанные сны, когда человек чувствует, что спит и в тоже время видит сон.

Продукт переживаний человека, сон это маленькая нирвана куда мы погружаемся на короткое время спасаясь от окружающей нас враждебно настроенной действительности, короткая смерть: Мы не видим, не слышим, не осязаем, не обоняем, то есть теряем физическую связь с живым, бодрствующим миром. А как приятно спать, фантазия душевного покоя, порой аж не хочется пробуждаться, а проснувшись хочется поскорее снова заснуть, погрузиться в сладкие миражи сновидений, при условии конечно, что это не кошмар, оговоримся сразу. Разум бодрствует, хотя душа на время в руках всевышнего, он разгружается выдавая ценную информацию, ту что обычно нас мучает. Надо лишь только правильно её истолковывать. Таким образом во время сна мозг неуправляем, он выдаёт нам странные сообщениями на грани сюрреализма, в которых сокрыт глубокий смысл.

Глеб крутился в кровати, как заводной. Переворачивал подушку, это его временно успокаивало, потом она нагревалась и он снова её переворачивал и так два часа пока не заснул тяжело дыша. Ему снился Афган, полнолуние в горах, скалы, дороги, отстрелянные гильзы под ногами и посреди всего этого кошмара чей-то нежный детский голос его звал.

Слова становились всё отчётливее и отчётливее. Это был голос Сары, тот самый детский голос который он слышал последний раз, прежде чем она умолкла.

— Глеб, Глебушка прости меня, прости — голос то удалялся то приближался.

День, как назло выдался пасмурный. С утра лило как из ведра, потом заморосило водяной пылью. Дни ползли как черепаха по песку. Глеб пошёл на кухню, открыл полупустой холодильник, пошарил рукой, чтобы убедиться в отсутствии водки. Холодильник был пуст и недовольно заурчал, намекая на открытую дверь. Ругнувшись, покачиваясь он вернулся в спальню, натянул штаны, надел рубашку, взял сумку, чтобы сгонять за выпивкой. Выходя из дому, Глеб в подъезде случайно столкнулся с бабой Зосей

— Извини бабулька — улыбнулся он

— Да Бог с тобой сынок, переживём? Ты мне лучше скажи как поживаешь? Грустишь наверное по Сарочке, бедное дитя. Глеб хотел обойти бабуку, но не смог, она взяла его за руку.

— Нельзя было её в дурку отправлять, нельзя — зашептала старушка, заглядывая ему в глаза.

— Какой дурдом, баба Зося, вы о чём?

— Господь с тобой — запричитала старушка — а ты разве не знал? После психушки она на себя руки то и наложила, бедняжка.

Глеб продолжал удерживать доктора на столе заломив ему руку.

— Как же ты гадёныш так быстро забыл мою сестру Сару, что ты с ней сделал признавайся — ладонью левой руки прижимая голову доктора к столу.

Китайская ваза на стеллаже неожиданно начала раскачиваться словно безумный маятник. Покачавшись ещё пару секунд она подпрыгнула вверх и полетела в направлении головы Курочкина, совершив мёртвую петлю в воздухе с грохотом ударила Глеба по голове рассыпаясь осколками по полу. Курочкин обмяк, сел на пол с окровавленной макушкой и лёг на пол потеряв сознание.

Когда он очнулся, понял, что лежит на диване, со связанными руками и ногами. Доктор подошёл к нему, поправил повязку на голове, посадил на диван, ещё раз осмотрел с ног до головы и продолжил подметать пол, сгребая осколки от вазы в угол.

— Это называется — телекинез, мой дорогой демагог, способность перемещать предметы силой мысли и это круче, чем телепатия. Для этого нужно учиться и учиться. А знаешь, я сразу понял кто ты! Ты не дурак Глеб, нет совсем не дурак. Ты пришёл сюда только с одной целью, убить меня. Войти ко мне в доверие, прикончить и улизнуть. Тебе это почти удалось, только вот молоток то ты забыл, когда стоял за колонной. Забыл, а зря — вытаскивая из письменного стола молоток. Глеб застонал от боли — ой болит дурная го-

ловушка, болит я знаю. Могу облегчить боль — подойдя к Курочкину, замахиваясь на него молотком. Глеб зажмурился в предчувствии удара — не бойся дурашка, психоаналитик не обидит пациента — откладывая молоток в сторону. Завтра я тебя превращу в овощ и ты успокоишься. Ах да, что касается твоей сестры, а она ничего себе так бабёнка, мне понравилось. — Глеб заскрежетал зубами — не обращая на него внимания, док продолжал; у бедной женщины был конфликт бабочек в животе с тараканами в голове, я искренне хотел помочь, моя нежность к ней росла с каждым общением с ней. Мы походили на два цветка над которыми пчёлки, готовы были потрудиться. И это случилось. В один прекрасный день она дала своё согласие, готовясь спуститься с небес на землю, хоть там ей жилось очень хорошо, общаясь с чужими мыслями, нечто подобное межпланетному ФБ. Вроде знаешь человека хорошо, а никогда его не видел. Я сразу почувствовал это, о да, женщины умеют нам это передать — задумчиво произнёс Синичкин прикуривая сигарету — об этом невыносимо рассказывать, но ты должен знать.

— Как таких людей земля носит, какой же ты гад доктор

— Я гад? — с кривой ухмылкой — Я людей спасаю от самих себя, а что ты сделал в своей никчемной жизни, кроме как убивал людей. В телесно-ориентированной психотерапии не отождествляют тело и психику человека. В случае с твоей сестрой, после секса со мной, в ней должны были произойти изменения в её психологическом состоянии. Её

мысли, эмоции, переживания должны были остаться здесь, а не вернуться обратно в космос, где она витала. Потом пришёл твой отец и потребовал, чтобы я её выписал. Говорил, скоро брат вернётся с армии. Пришлось прервать лечение. Ну, а потом непоправимое. Когда я узнал об этом, то очень горевал, единственное что утешало, она не ушла девственницей в мир иной. Мы были с ней, как два инопланетянина, потерявших свою летающую тарелку. Да — задумчиво произнёс он — природа открывает свои секреты только тем, кто способен её слушать.

Монолог Синичкина прервал телефонный звонок. Доктор минуты три, с небольшими интервалами соглашался с кем-то на проводе, бесконечно повторяя, да, да да, конечно, конечно да, я с вами полностью согласен. Затем он спрятал телефон в карман, вышел в коридор и стал звать доктора Зимина. Когда тот появился, он завёл его в кабинет, не обращая внимания на Глеба, полушёпотом отводя его в сторону сказал:

— Завтра у нас депутатская комиссия, так что подготовьтесь нормально, ну ты знаешь, что надо делать.

— Знаем Егор Степаныч, всё будет в ажуре, а с этим, что делать. Где это он так башкой стукнулся, вроде не буйный был.

— Был не буйный, стал буйным — косо поглядывая на Глеба, который сидел с опустившимися вниз уголками рта и потухшим взглядом.

На следующий день члены комиссии сидели в кабинете у доктора и слушали как он рассказывает; о проделанной работе за год, о количестве выписанных пациентов, об улучшении питательного рациона больных путём добавления фруктов и овощей, впрочем всю ту официальную чушь которую несёт любой начальник перед проверяющими. Наконец, когда присутствующие порядком утомились, Синичкин, традиционно спросил:

— Есть желающие сделать обход с нашим доктором? И не дожидаясь ответа — нет, то милости просим в нашу столовую — с озорством подмигивая — наш коллега для Вас накрыл поляну. Все с облегчением вздохнули, вставая переглянувшись между собой улыбаясь.

— Я хочу осмотреть больницу — раздался голос, миловидной женщины сидевшей на диване, ногами вместе, чуть-чуть сместив их в сторону. — Я хочу, повторила она со строгим выражением на лице — мы не пришла сюда прохлаждаться на полянах, показывайте пациентов, особенно буйных, я желаю посмотреть как у вас с ними обращаются.

— Хорошо, если угодно, я вас познакомлю с персоналом

— Доктор Синичкин, у вас проблемы со слухом? Я же сказала пациентов!

— Да, да конечно, прошу вас дамы и господа. Я буду вашим гидом — улыбаясь — а вас как звать?

— Юлия Степановна Громова, почему это вас так инте-

ресует?

— Гром не грянет мужик не перекрестится — робко пробормотал себе под нос Синичкин.

— Что вы сказали?

— Ох извините, это так, мысли вслух.

— Это кто такая? — шёпотом спросил Зимин Синичкина, когда они слегка отстали от всех.

— Меценат нашей психушки

— Аааа — протянул Зимин, тогда всё ясно

— Что ясно — съязвил Синичкин — ничего не ясно, эта баба бывшая жена олигарха и характер у неё прескверный. Меня вчера предупреждали. Она будет искать любую причину, сократить бюджет. Ты моего спасателя хорошо припрятал?

— О! Кажется нет

По коридору в сторону туалета, под ручку со здоровым санитаром, шёл Глеб с перевязанной головой.

— Синичкин — раздался голос Громовой — это что такое — показывая рукой на Глеба и санитаря. Почему у него перевязана голова?

— Я щас всё объясню

— Не надо мне ничего объяснять, я сама у него узнаю. Здравствуйте уважаемый — подходя к Глебу с членами комиссией сзади, которые возмущенно зашептались между собой — что с вами произошло, расскажите.... — Глеб поднял глаза, открыл рот, как его прервал возглас удивления

— неужели это ты! Ну конечно же ты, твою мать, кто бы мог подумать.... — Сзади засмеялись. Юля окинула грозным взглядом сразу приумолкших присутствующих и посмотрела в упор на Синичкина — Что он тут делает?

— Юлия Степановна

— Я тебя русским языком спрашиваю блять, что он тут делает

— Я пытаюсь вам объяснить...

— Заткнись, когда я тебя спрашиваю

— Ну знаете ли, это уже переходит все границы

— Чтобы через десять минут он сидел у меня в машине, остальной курс лечения он пройдёт у меня дома

— Так надо же документы оформить, подписку брать

— Документы пришлешь по почте, чем быстрее, тем лучше для тебя, я надеюсь внятно всё объяснила

— Куда уж понятнее — со злостью

За столом дорогого ресторана, накрытого белоснежной скатертью, Глеб сидел напротив Юли, комкая салфетку после *Carpaccio à la huile d'olive*. Юля с бокалом вина *Chablis grand cru* в руке с улыбкой смотрела на Глеба, который после скомканной салфетки, кусочком хлеба тщательно вытирал тарелку от остатков оливкового масла.

— Смешной ты с иронией проронила Юля

— Что не так?

— Да нет всё нормально, не обращай внимания

— Ну уж простите, мы в университетах не учились, в заграницах не бывали, да и происхождение у меня самое, что ни на есть пролетарское.

— Ну и я не из дворян.

— Тем более — со злобными нотками

— Ладно, ладно не кипятись, ты продолжишь ему мстить?

— Нет, просто я ненавижу мою память, а может возмездие в прощении? Я даже не знаю, что сказать.

— А на счёт памяти ты зря, щас я тебя познакомлю, кое с кем — махая рукой кому-то в дверях

К столу кокетливо подошла молодая девушка лет шестнадцати.

— Здравствуй мама, еле нашла твой ресторан. — Глеб поднял глаза, посмотрел на неё, побледнел, чуть не рухнул со стула. Перед ним стояла Сара.

— Сара, Сара разве ты живая? — воскликнул он вскакивая, от волнения у него стали трястись руки.

— Мама о чём говорит этот странный человек. Почему я живая? Да как видите!

— Сарочка, сядь детка рядом с нами, знакомься, это твой отец Глеб Курочкин. А мы попытаемся тебе всё объяснить.

Стройотряд уходит в небо

Пролог

За т-образном столом шефа сидят офицеры милиции. Шеф, это полковник Виталий Снегирев, мужик строгий, но справедливый, его боятся и уважают одновременно. За глаза называют шефом, таким образом выказывая своё отношение в вышестоящему начальству между собой. Утренняя планёрка в самом разгаре. Полковник сидит недовольный и массирует правой рукой шейные позвонки по китайскому методу.

— Так — заключает он — поехали дальше, что там у нас по стройотрядам?

— Драка между студентами и строителями из-за бетономешалки, небольшая потасовка из-за девушек на танц площадке с местными парнями, медведь загрыз студента в тайге.

— Насмерть?

— Нет, удалось отбить, так покалечил немного, лежит в больнице, уже прооперировали.

— Лихо начался сезон стройотрядов. Провести расследование и доложить. Как студент оказался один в тайге, где были остальные, командиры, бригадиры и прочее начальство. Был ли медведь ранен браконьерами, а то развелось тут горе охотников по тайге.

— Говорят по нужде отошёл от стройки тов. полковник.

— Что ещё по стройотрядам? Родители, своих детей к нам посылают работать, а мы их калечим. Вячеслав Сергеевич обращаясь к молодому лейтенанту и ты капитан Карелин, это вы кажется ответственные за стройотряды, зайдите сегодня в больницу провести пострадавшего, расспросите его как всё было и отнесите студенту апельсинов от моего имени.

— Щас не сезон Виталий Семенович, где я их найду

— Ну тогда бананов вьетнамских, вчера моя Наташа их покупала. Да кстати, как там у нас дела с малолетним преступником, как его там звали?

— Вася Томин по кличке Картавый — товарищ полковник.

— Нам надо пристроить к комунибудь пацанёнка, мне нужна хорошая рекомендация, чтобы я смог его вытащить с колонии.

— А, что за пацанёнок, тов полковник — спросил молчавший рядом майор не поднимая головы, быстро пишущий на листке в папке

— Да есть тут один сирота с детдома, по глупости на воровстве попался, ничему хорошему он в колонии не научится, а так на поруки можно будет дать.

— Эдик, Эдик, Эдуард! — звал меня сзади женский голос. Эхо, так звонко разносилось между стенок полупустого институтского коридора, что несколько студентов остановились и с изумлением стали смотреть на нас. Я обернулся.

— Ты забыл свою зачётку — на меня соучастливо смотрела пара серо-зелёных глаз

— Она мне больше не нужна — сухо отрезал я — меня ждёт родной завод и токарный станок, в лучшем случае.

— Подожди не горячись, может, чтонибудь придумаем, он гад хороший конечно, но и тебе не стоило спорить с ним, ты же знаешь его — горячо затараторила активистка Света. У неё смазливое личико и лукавое выражение глаз, которым трудно отказать в чем бы то ни было.

Сегодня меня срезал на экзамене преподаватель по теории литературы. Мелочному преподу жутко не понравилось, как я непроизвольно от себя зевнул на его лекции. А может у меня была причина, но это его не интересует. В ту ночь, подавленный случившимся я не спал, ждал новостей около стен больницы, от разбившегося в автокатастрофе друга, которого в это время хирурги буквально резали и собирали по частям как в игре пазлы.

— Пойдём — потянула она меня за рукав, в направлении деканата, шас всё уладим вот увидишь.

Декан Зинаида Дмитриевна сидела за столом заваленным цветными папками, тетрадями, канцелярскими товарами и ещё невесть чем. Над всей этой бюрократической грудой бумаг, возвышались фотографии двух детей в обнимку, очевидно внуки.

— Я тебя слушаю Света — не поднимая головы. Меня всегда удивлял этот дар у некоторых людей, не поднимая го-

ловы, определять на расстоянии, кто стоит перед тобой.

— Зинаида Дмитриевна, я насчёт стройотряда, вот привела недостающего кандидата

— Как Вас зовут молодой человек

— Эдуард Филлипов, только в стройотряд я не поеду. Декан наконец оторвала глаза от бумаг и вопросительно посмотрела на Свету. Света пнула кулаком меня в бок и зашипела: молчи дурак.

— Да согласен он, не слушайте его, только вот, у нас тут ситуация такая, одним словом Уралов, по теории литературы, его срезал сегодня

— Это не проблема, щас всё устроим, так Вы поедете или нет — набирая номер на телефоне.

— Геннадий Григорьевич, что же вы это, моего талантливого ученика срезали сегодня. Ага — задумчиво — хорошо, хорошо я щас подойду к Вам и мы все детали обсудим.

Так, ну что, Светочка сходи к нему с зачёткой, а вы молодой человек, получите его в сентябре, после стройотряда. Договорились — и снова погрузилась в ворох бумаг, что-то размашисто подписывая — а щас идите, идите, не мешайте мне работать.

Мы с Светкой вышли в коридор

— А, что так было можно? — с недоумением спросил я

— Конечно возможно, ты разве не слышал, что тебе сказали. В сентябре получишь зачётку, значит в сентябре, а теперь иди, иди — провожая меня взглядом.

Так я очутился в стройотряде, на должности бригадира, из-за моего возраста. Поступил я в институт не сразу после армии, два года проработал на заводе. Так, что в бригаде, я самый старший и в моём подчинении двенадцать весёлых студентов.

Подходила к концу наша первая неделя стройотряда в Братске. Было бы неправильно утверждать с моей стороны, что ребята, не считая трёх девушек поварих, полностью адаптировались и приспособились к местным нравам, климату, к кухне состоявшей из макарон в обед и ужин. Может, так называемые спагетти, одни из самых, очень популярных блюд в Италии или Азии, но в сибирской глубинке, на родине пельменей, они подавалась исключительно только в двух видах, вареными или жареными из остатков с прошлого дня, в основном без гарнира, отчего девушки повара заслужили тайную ненависть к себе со стороны ребят. Не буду вдаваться в подробности студенческого стула, так как слово запор, у многих вызывает неадекватные воспоминания связанные с клизмой и слабительными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.